

УДК 94(44)

Н. П. Таньшина

**ОБРАЗ РОССИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНЬЮНКТУРЫ, ИЛИ МЕТАМОРФОЗЫ АББАТА ПРАДТА**

Институт общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Поступила в редакцию 29.09.2022 г.

Принята к публикации 15.12.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-4

33

Для цитирования: *Таньшина Н. П.* Образ России как следствие политической конъюнктуры, или Метаморфозы аббата Прадта // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 33 – 45. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-4.

Статья, написанная в рамках имагологического подхода, посвящена реконструкции образа России во Франции в годы Реставрации на основе анализа взглядов известного французского дипломата и политика аббата Д. де Прадта (1759 – 1837). На примере публицистических работ аббата Прадта выявляется корреляция между образом России во Франции и текущей политической конъюнктурой. В статье делается вывод о русофобии как механизме решения собственных французских задач. Также показано, что созданный на Западе образ России, с одной стороны, был очень устойчивым, основанным на укоренившихся стереотипах восприятия, а с другой – зависел от политической конъюнктуры, что наглядно проявилось в идейном наследии аббата Прадта. Созданный аббатом Прадтом образ России оказался очень эластичным, подвижным, зависимым от политической ситуации. Никогда не испытывавший симпатий к России и создававший откровенно антирусские памфлеты, рациональный Прадт в моменты, когда Франция искала союзника и видела такового в России, менял свою позицию на диаметрально противоположную. В то же время неизменной чертой его сочинений оставалась характерная для постнаполеоновской Франции оптика превосходства и взгляд на Россию как на колосса на глиняных ногах.

Ключевые слова: аббат Прадт, имагология, образы России, русофобия, «русская угроза», «русский экспансионизм», стереотипы взаимного восприятия, Франция

Введение

Созданный на Западе образ России очень устойчив, а стереотипы и мифы восприятия в сознании европейцев формировались еще во времена «открытия» Московии ренессансными путешественниками на рубе-



же XV—XVI вв. Стереотипы, как известно, меняются крайне медленно¹. Однако такой, в целом неизменный, взгляд на «вечную Россию» зависел в конкретные исторические моменты от политической конъюнктуры, поэтому был и остается политически ангажированным. Два фактора являются определяющими в его формировании: мнение, формируемое страной о себе самой, и национальные представления относительно того, может ли иностранное государство оказать ожидаемые от него услуги или же оно вызывает опасения [11, р. 11].

При этом процесс мифологизации и стереотипизации любой чужой реальности, как и своей собственной, естествен и неизбежен. Но в отношении России этот процесс был усилен в глазах европейцев ее размерами, экзотичностью и удаленностью [7, с. 39].

Дуализм в восприятии России проявляется в двух главных мифах: с одной стороны, это «русский мираж»², то есть идеализированное представление о России и ее правителях, с другой — миф о «русской угрозе». Оба мифа начали активно развиваться в эпоху Просвещения. Причем они могли как последовательно сменять друг друга (в зависимости от конъюнктуры), так и сосуществовать, поскольку как в самом европейском обществе, так и в каждой конкретной стране наблюдался полный спектр взглядов на Россию. В глазах одних Россия представлялась как надежда рода человеческого, для других она выступала воплощением зла; одни развивали тему «русского миража», другие — «русской угрозы»; одни видели в России союзника, другие — грозного и непримиримого врага. Но в целом тот или иной образ России был необходим для решения своих внутренних проблем, поэтому в зависимости от ситуации этот образ мог весьма быстро корректироваться. Пример такой трансформации предоставляет творчество виртуоза политического «переобувания на ходу», если выражаться неакадемичной терминологией, аббата Прадта, духовника Наполеона Бонапарта.

Цель и методология исследования

Исходя из этого цель статьи, написанной в рамках методологии междисциплинарного синтеза с опорой на историко-антропологический и имагологический подходы, заключается в выявлении корреляции между образом России в Европе и текущей политической конъюнктурой на примере анализа творчества аббата Доминика Жоржа Фредерика де Прадта (1759—1837). Этнические стереотипы в рамках статьи рассматриваются в соответствии с концепцией У. Липпмана, согласно которой под стереотипом понимается принятый в исторической общности об-

¹ В научной литературе стереотип рассматривается как упрощенное представление о *Другом*. К основным характеристикам стереотипа французский историк Р. Франк относит воспроизведение стереотипа во времени и пространстве; социальный характер стереотипа, который создается не отдельной личностью, но обществом в целом; наличие в стереотипах оценочной составляющей, осуждения или одобрения. См.: [3, с. 12].

² Выражение «русский мираж» ввел французский исследователь Альбер Лортолари в 1951 г. применительно к восприятию России французскими просветителями во второй половине XVIII в.



разец восприятия и интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте, эмоционально окрашенный, упрощающий реальность и зачастую воспринимаемый как сама реальность. Под русофобией в статье понимается целостная идеология, сформировавшаяся в XIX в., основанная на архетипических иррациональных страхах перед Россией и в то же время являющаяся рациональной технологией конкурентной борьбы с Россией и средством решения собственных национальных проблем.

Аббат Прадт, постнаполеоновская Франция и страхи перед «русской угрозой»

35

Аббат Прадт был влиятельным политиком, дипломатом и очень плодовитым автором, легко менявшим свое мнение в зависимости от политической конъюнктуры. На примере его работ можно сделать весьма важный вывод о том, что для многих европейских авторов негативный взгляд на Россию — это не веление души и зов сердца, а сугубо рациональный прием, способ решения собственных внутренних проблем. Тем более, Прадт был в этом отношении очень эластичным, или беспринципным, и имел за плечами опыт, по сути, предательства Наполеона Бонапарта, чьим духовником он был. Наполеон последовательно сделал его епископом Пуатье, архиепископом Малинским, посланником в Великом герцогстве Варшавском (где Прадт провалил возложенную на него миссию). В самом начале режима Реставрации Прадт «отблагодарил» Наполеона в очень жестком памфлете, потому что клеймить поверженного императора было тогда очень выгодным делом.

По окончании Наполеоновских войн позиции России в Европе существенно окрепли. Россия внесла решающий вклад не только в разгром наполеоновской Франции, но и в сохранение Франции как великой державы, а также в формирование Венской системы международных отношений. Русские войска триумфально вступили в Париж. Россия получила Финляндию, Бессарабию, значительную часть бывшего Великого герцогства Варшавского. Как отмечал американский исследователь Мартин Малиа, это привело к тому, что чаша российского могущества, и без того изобильно наполненная Петром и Екатериной, была близка к переполнению. Теперь именно Россия, а не Франция, как это было прежде, заняла традиционную позицию доминирующей, и, следовательно, потенциально самой агрессивной державы на континенте [14, p. 89].

Соответственно, тема «русской угрозы», в свое время актуализированная наполеоновской пропагандой, вновь стала очень востребованной. И если в правящих кругах Франции шли дискуссии о дальнейшем внешнеполитическом курсе в рамках ненавистной большинству французов Венской системы, то общественное мнение было настроено антирусски. Причем штампы и клише восприятия уже были отработаны, и читающая публика ожидала, видела и воспринимала узнаваемый и привычный образ России. Поэтому работ о России было написано много, но они были очень похожими, как, например, сочинения Альфонса Рабба [19], Ниелона Жильбера [12] или Ж. Обернона [10].



Авторы используют одни и те же приемы, отличаясь лишь степенью художественного мастерства. Как справедливо отметил бельгийский исследователь К. Абстадо, «мифы не являются правдивыми или ложными, они эффективны», а исторические факты в произведениях подчинены стремлению автора создать персонажей, которые были бы правдоподобны, то есть отвечали бы стереотипным представлениям читателей [9; цит. по: 7, с. 38—40]. Тем более что авторы, писавшие о России, были уверены: читатели не отправятся в далекую страну, чтобы проверить степень достоверности прочитанного [7, с. 39]. Но именно работы аббата Прадта важны тем, что они особо выделяются его оппортунизмом или конъюнктурными метаморфозами, зависевшими от представлений о том, какова должна быть внешняя политика Франции.

Союз с Пруссией как способ борьбы с «монструозным» расширением России

Речь шла о системе союзов, которые выбирала Франция. Для Прадта таким союзником в те годы представлялась Пруссия. Находясь в оппозиции к режиму Реставрации, с 1823 г. он выступал против монструозного, по его словам, расширения России, считая, что необходимо заключить союз с Пруссией, дабы поставить заслон российскому могуществу.

В апреле 1823 г. он опубликовал книгу «Параллель между английским и русским могуществом в Европе». В мае следующего года вышло второе издание книги, в 1828 г. — третье [16], что говорит о Прадте, как об успешном авторе. Как отмечал американский исследователь Р. Макнелли, эта работа способствовала нагнетанию антирусских настроений во французском обществе [15, р. 182]. В ней автор развивает самые популярные антирусские стереотипы, поднимая прежде всего тему русского экспансионизма, которым Россия живет якобы со времен Петра Великого. А мы знаем, что к этому времени фальсификация, связанная с так называемым «Завещанием Петра Великого» была хорошо известна: в 1797 г. появился текст польского генерала-эмигранта Михаила Сокольниковского, а в октябре 1812 г. по заказу Наполеона вышла книга историка и сотрудника министерства иностранных дел Шарля-Луи Лезюра, содержащая резюме «плана Петра» [13]. Прадт в этой работе воспроизводит традиционные мифы о России. Россия — страна деспотичная и азиатская, мощная сила, враждебная всем либеральным идеям Европы [16, р. 169]. А для либералов всех мастей Россия в это время начинает восприниматься как оплот не просто консервативных ценностей, а самодержавия и реакции, тем более что у императора Александра I либеральный запал к тому времени давно иссяк.

Как справедливо отмечал Р. Макнелли, все, что было непонятным в России французским авторам, просто объявлялось «азиатским», поэтому она воспринималась как наследница орд Чингисхана [15, р. 188], и такой взгляд на нашу страну сформировался еще во времена Московии, а потом был продолжен частью французских просветителей, прежде всего Ж.-Ж. Руссо. Прадт развивает идеи Руссо об азиатской сущности России и призывает Европу объединиться перед лицом «русской угро-



зы» [16, р. 159–160]. Эта книга стала одной из самых известных работ, написанных о России на тот момент [15, р. 183], а тема создания европейской федерации против России далее также приобретет большую популярность.

Эти же идеи Прадт поддерживает и в новой работе, увидевшей свет в 1828 г. под названием «Неизменная система Европы по отношению к России». Здесь он повторяет тезис, озвученный им пятью годами ранее: русскому нашествию необходимо противопоставить коалицию европейских держав, а заодно и разрушить ненавистную Франции Венскую систему. Как видим, русский вопрос используется как средство решения собственных национальных проблем.

На вторую половину 1820-х гг. пришлось очередное обострение Восточного вопроса: национально-освободительная революция в Греции, Русско-персидская и Русско-турецкая войны. Эти события актуализировали традиционные страхи, четко сформулированные в фальшивом «Завещании Петра Великого»: будто бы Россия стремилась подчинить Константинополь, чтобы оттуда идти на завоевание Европы.

Следуя закону жанра, в предисловии книги Прадт пугает читателя «русской угрозой», подчеркивая, что «в данный момент русская мощь направлена на Османскую империю, но только для того, чтобы потом с новой силой обрушиться на Европу». Поэтому «настал момент, чтобы указать этому колоссу его истинное место» и найти средства противодействия русской угрозе. Прадт подчеркивает, что «Венская система закрепила доминирование России и Великобритании, при этом Россия гораздо более опасна» [18, р. VII]. Между тем все в Европе Россию боятся, поэтому относятся к ней подобострастно. И это доминирование России, по мнению Прадта, «опасно для европейских общественных свобод, которые уже и так являются лишь пустым словом» [18, р. VIII–IX]. То есть Россия опасна для самой главной ценности западного общества — свободы. Это обвинение станет важнейшим в последующей европейской мысли — вспомним маркиза Астольфа де Кюстина, написавшего в заключении своей книги о том, что «человек, по закону природы своей, не может быть счастлив без свободы» [6, с. 447].

Нагнетая страх, Прадт убеждает читателя, что «Россия наложила свое тяжкое бремя на всю Западную Европу. Она одна занимает европейскую сцену, все остальное, как в театре, это партер» [18, р. XV–XVI]. Конечно, его беспокоят размеры российского государства, и он ставит логичный вопрос: где начинается Россия? А ответ дает потрясающий: от Великой китайской стены! «И где она заканчивается? В 50 лье от Вены и Берлина! На что опирается Россия? На севере — на полюс, на юге — на Черное и Каспийское моря» [18, р. 6].

При этом Россия гораздо могущественнее Римской империи: «Рим имел подданных, а Россия имеет русских, детей русской почвы, привязанных к ней по своей природе, тогда как подданные Рима были привязаны силой. Русские связаны между собой общностью происхождения и нравов, языка и законов, тогда как народы, населявшие Римскую империю, не имели никаких связей между собой. Соединение этих элементов дало России огромную силу, которую она сможет использовать против



Европы» [18, р. 9]. И вот теперь Россия «стоит у ворот Берлина и Вены, и никакое серьезное препятствие не отделяет ее от этих двух столиц государств, которые одни могут оказать ей какое-то сопротивление» [18, р. 11].

Как видим, Прадт рисует просто апокалиптическую картину: русские семимильными шагами наступают на Европу и, если Европа не объединится, ее просто не останется, будет только Россия (а это опять-таки основной тезис «Завещания Петра Великого» — идея мирового господства России).

Представляется, что речь идет о хорошо просчитанном и рациональном «страхе фантазии», о котором пишет американский исследователь Ларри Вульф [1, с. 20]. Что это, как не фантомные боли Франции, утратившей свое лидирующее положение в Европе и не желающей с этим смириться? Эти страхи являются изобретением бурной фантазии Прадта с опорой на коллективные мифы и фобии. Но с помощью книг и особенно прессы эти страхи внедрялись в сознание, заражая обывателей и действуя как мощный идеологический вирус.

При этом, что характерно, в конце 1820-х гг. намечилось франко-русское сближение, и в 1829 г. возник так и не реализованный план главы правительства князя Жюль де Полиньяка, согласно которому предполагалось совместными усилиями произвести перекройку карты Европы: Россия бы укрепила свои позиции в Константинополе, а Франция расширила свои территории в Европе. Однако общественное мнение оставалось антирусским.

«Восточный вопрос во всеобщем и частном аспектах»

После Июльской революции 1830 г. и особенно после подавления Россией польского восстания 1830—1831 гг. образ России в Европе в целом был очень негативным. Однако в самой Франции единодушия не было. Французы, ненавидевшие Венскую систему и воспринимавшие ее как унижительную, пытались избавиться от навязанных порядков с помощью союзников, и в качестве таковых видели кто Великобританию, кто Пруссию, кто Россию. В годы Июльской монархии, когда король Луи-Филипп делал ставку на сердечное согласие с Великобританией, многие французы не разделяли такого подхода, испытывая застарелую неприязнь к англичанам. Да и само «сердечное согласие» давало постоянные сбои в силу острых противоречий и конкурентной борьбы между Францией и Великобританией. Поэтому в условиях кризиса англо-французского «сердечного согласия» Франция искала союзников и обратила свой взор на Россию. В то время появился целый ряд работ, в которых пропагандировалась идея сближения с Россией, и автором одной из них стал неугомонный аббат Прадт. В 1836 г. он опубликовал работу «Восточный вопрос во всеобщем и частном аспектах». Несколько лет назад жестко клеймивший Россию, теперь Прадт выступает за союз с ней. Сколь ужасной он рисовал Россию в 1828 г., сколь ярым ее врагом он был тогда, столь же страстным ее защитником он стал восемь лет спустя.

Если раньше Прадт запугивал читателя «русской угрозой», то теперь он призывает снизить накал страстей во французском обществе



в отношении России. При этом он отмечает во введении, что пишет только правду (до этого, критикуя Россию, Прадт, безусловно, тоже был предельно честным). Он честно сообщает читателю, что почти вся европейская пресса, будь то английская, будь то французская, очень несправедлива по отношению к императору Николаю, которого в Европе буквально ненавидят, потому что завидуют. Он отмечает, что можно было бы оправдать такое отношение к России, если бы она демонстрировала амбициозное поведение, но ведь этого вовсе нет. В результате, подчеркивает Прадт, пятьдесят лет Европа пребывала в состоянии лжи, и чтобы из него выйти, надо вернуться к правде, и Прадт эту правду читателю и сообщает. Другое дело, что у него всякий раз новая правда — в зависимости от обстоятельств.

При этом Прадт вовсе не возлюбил Россию. Он лишь полагает, что Европа преувеличивает степень «русской угрозы», а на самом деле Россия не является столь грозной и могучей, как это может показаться на первый взгляд. Более того, он защищает политику России по всем направлениям. Он оправдывает ее политику в Польше, более того — обосновывает притязания России на Польшу, подчеркивая, что требования России были справедливыми, а Польша благодаря России получила конституцию [17, р. 122—123]. Прадт подчеркивает, что Франция симпатизирует Польше, поэтому долгое время было невозможно говорить о Польше объективно, а защита Польши стала своеобразным комплексом левых политиков. Действительно, Европу, особенно Францию, тогда охватили полонофильские настроения, и любовь к полякам и «мученице-Польше» имела своей обратной стороной ненависть к России. Для Прадта же (в этом тексте) Россия — естественная защитница Польши, более того — ее настоящий ангел-хранитель.

Он оправдывает даже подавление польского восстания 1830—1831 гг. и речь императора Николая, произнесенную 5 октября 1835 г. в Варшаве и вызвавшую бурю возмущения в Европе¹. По словам Прадта, Европа буквально предала императора Николая анафеме. Приводя на страницах своей книги полный текст речи, он подчеркивает, что поляки подняли восстание безо всякой причины, низложили власть императора, вынудили брата императора великого князя Константина бежать и убили русских военных, ставших жертвами собственной верности [17, р. 130—132]. Поэтому, задается вопросом Прадт, «как после этого должен был действовать и что должен был говорить Николай? Неужели он должен был чувствовать и говорить, как лондонский или парижский журналист, как член европейских клубов и участник европейских банкетов?» [17, р. 134].

Также Прадт не видит для Европы никакой угрозы в Ункяр-Искелесийском договоре, значительно усиливавшем позиции России в зоне

¹ Выступая перед депутацией польских горожан, император заявил: «Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной, национальной, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву и уж, конечно, не я отстрою ее снова» [4, с. 215].



Проливов¹. По его словам, российский император лишь пришел на помощь султану, после того как другие державы эту просьбу проигнорировали (что, собственно, и было на самом деле). Россия пошла на этот шаг из соображений рациональности и предусмотрительности, в целях сохранения слабой Турции вместо другого сильного соседа. Кроме того, Прадт успокаивает читателей: договор не закрывал Черное море для прохода торговых судов, а запрет касался лишь военных судов [17, р. 126 – 127]. Цель же договора, по его словам, заключалась «лишь в пацификации Черного моря, поэтому Европа должна не протестовать, а радоваться этому договору» [17, р. 129]. Да и завоевывать Константинополь Россия вовсе не собирается.

Прадт упрекает европейцев в короткой памяти и подчеркивает, что Европа забыла, чем она обязана России, освободившей Европу от диктатора Наполеона, бывшей великодушной по отношению к Франции после поражения последней и противившейся расчленению Франции после Ватерлоо. Именно Александру Европа обязана восстановлением европейских тронов на основе принципа легитимизма. Императору Александру, этому «Агамемнону Европы», она обязана своим будущим.

Очень мудрые слова, жаль только, что сам Прадт продемонстрировал очень короткую память, и в искренность его суждений верить не приходится.

Но на страницах этого произведения Россия для Прадта – страна рациональная. Исходя из принципа рационализма, она прекратила свой рост, поскольку «уже имеющиеся завоевания не позволяют ей делать новые» [17, р. 118].

Как видим, Прадт очень прагматичен как в своих страхах перед Россией, так и в ее защите. Неприязнь к России, как и ее оправдание глубоко просчитаны и рациональны, это лишь механизм внутриаполитической борьбы, попытка формирования идеологии, в которой Россия используется как козырная карта.

Работа Прадта важна еще и тем, что в ней автор выходит на проблему формирования образа *Другого* и образа России, в частности. Он отмечает, что Европу захлестнула политическая ненависть в отношении России, однако подчеркивает, что аналогичные чувства наблюдаются и в отношении Англии, Германии, Священного союза, то есть объектов ненависти было много. Тем более, подчеркивает Прадт, все это относится к пропаганде левых сил, признающих легитимными только правительства, произошедшие от народа, в результате только бунтов и потрясений. Поэтому Англию уже двадцать лет именуют «мрачным Альбионом», «коварной Англией», англичан – «меркантильным народом», правительство – «макиавеллевским» [17, р. 59]. Характерно, что ведь и в России Англию в это время называли «мрачным Альбионом», англичан – «нацией лавочников», не говоря уже о хрестоматийном «англичанка гадит». То есть Прадт в данном случае рассуждает весьма

¹ Во Франции и Великобритании возникли серьезные опасения, что Россия станет хозяйкой Проливов, и эти две страны, сами имевшие серьезные противоречия на Востоке, заявили протесты против действий России. См. об этом: [8, с. 215 – 219].



здорово, как исследователь, о страхах и неприязни, проявляемых одними нациями в отношении других. В других же случаях он выступает как типичный пропагандист, воздействуя на чувства, а не на разум.

Действительно, объектов приложения страхов было много, но именно Россия была традиционным европейским пугалом, она пугала стабильно, а не время от времени. Хотя если с ней было выгодно сблизиться, то этот страх отступал или аккуратно убирался в кладовую европейских идеологий, поскольку это был не реальный страх, а страх сконструированный, придуманный, воображаемый, рабочий инструмент, который можно использовать. Так, отмечал Прадт, одна из французских газет избрала объектом своей ненависти Англию, считая, что все вселенское зло приходит оттуда. Другие обрушивают свою ненависть на Россию. Причем, по его мнению, именно англичане ненавидят Россию больше всех. Но и во Франции, продолжает Прадт, наблюдается та же враждебность по отношению к России. Нас, впрочем, интересуют прежде всего выделяемые Прадтом причины этой ненависти, и они вполне корректны и опять-таки вполне соотносятся с современными трактовками. Ненависть к России Прадт объясняет в первую очередь поражением наполеоновской Франции и утратой ею лидерства на континенте, когда первое место заняла Россия¹. Кроме того, продолжает Прадт, французы никогда не простят Русскую кампанию, не простят русским того, что именно в России «разбился скипетр, занесенный Францией над всей Европой» (и здесь мы можем вспомнить про Березину — слово, ставшее синонимом национального унижения). Хотя, замечает Прадт, «если эта боль справедлива, то обида на Россию — вовсе нет, поскольку Россия не звала Великую армию ни в свои пустыни, ни под свое ледяное небо» [17, р. 60–61]. «Пустыни», «пустыни Севера» — это тоже один из непреходящих образов России и штамп из «Завещания Петра Великого».

Прадт даже отмечает, что, по словам некоторых публицистов, «варвары Севера дважды пришли в Париж, столицу цивилизации». «Однако кто их туда привел? — задается он вопросом. — Разве они туда пришли сами по себе?» [17, р. 62]. А мы помним, что в 1828 г. Прадт сам пугал своих соотечественников новыми варварами, стоявшими в 50 лье от Вены и Берлина, но теперь он все это, видимо, забыл.

Однако главная задача Прадта заключается в том, чтобы не просто успокоить читателя относительно завоевательных амбиций России, но доказать, что Россия является только внешне могущественной, а в реальности ее потенциал гораздо слабее, и все в России лишь видимость — каждое ее, казалось бы, преимущество, имеет свою обратную сторону. Несмотря на огромные территории, в России много необрабатываемых земель с редким населением и отсутствием средств сообщения [17, р. 67]. Если климат России защищает ее от внешних угроз, то он препятствует ее внешней агрессии, ограничивая ее действия лишь пя-

¹ Как отмечает современный отечественный исследователь А. Р. Ощепков, своеобразной компенсаторной реакцией постнаполеоновской Франции на утрату ее позиций в Европе был «комплекс превосходства» и оптика превосходства, через которую Франция смотрела на Россию [5, с. 8].



тью месяцами в году. «Русской зимы хватило для того, чтобы победить человека, победившего мир», — пишет он. Несмотря на значительную численность населения России, население Европы его превышает, и оно растет более быстрыми темпами [17, р. 68]. 700-тысячная русская армия сильна только на словах, потому что она рассредоточена, а русский солдат, легко выживающий на своей собственной земле, во Франции умрет с голода. Аналогичная ситуация с флотом: флоты на Балтике и Черном море слишком отдалены друг от друга для того, чтобы эффективно взаимодействовать. У России нет колоний, нет внешней торговли, ее приморское население немногочисленно и мало связано с морем [17, р. 69–72]. То же самое и с финансами: их достаточно для внутренних нужд, но не хватает для внешнего действия. Поэтому Россию, отмечает Прадт, сравнивают со скованным гигантом: «если ему выколоть глаза, его будет легко опутать цепями» [17, р. 74] (вероятно, Прадт вспоминает книгу Даниэля Дефо, вышедшую в 1726 г., и обыгрывает план лилипутов в отношении Гулливера).

Поэтому Европе нечего опасаться России: если на востоке Европы доминирует Россия, то на западе Европы — вовсе нет, и по всем критериям Запад превосходит русский Восток: «по населению, богатствам, наукам, организации, средствам действия, по всем этим критериям Запад опережает Восток» [17, р. 75–76]. Европа соединена очень тесными связями, необходимыми для ее самосохранения, Европа ориентирована на взаимопомощь, значительная консервативная часть Европы настроена против преобладания России. И это европейское единство носит не агрессивный, а оборонительный характер, необходимый для поддержания статус-кво [17, р. 78].

Эта тема, поднимаемая Прадтом, окажется очень востребованной: Россия — это колосс на глиняных ногах, и вся ее сила и могущество является лишь видимостью. Маркиз де Кюстин эту мысль увековечит: Россия — «царство фасадов».

Заключение

Как видим, образ России, созданный аббатом Прадтом, оказался очень эластичным, подвижным, зависимым от политической конъюнктуры. Прадт запросто меняет свои взгляды на Россию на противоположные, в зависимости от ситуации. Когда речь зашла о поисках союзников, и Прадт повернул свой взор в сторону России, ее образ стал совершенно иным, Россия буквально на глазах преображалась, а все ее прежние ужасные стороны трансформировались почти в достоинства. Это лишь подтверждает тезис о русофобии как механизме решения собственных французских задач. В то же время неизменной чертой сочинений Прадта оставалась характерная для постнаполеоновской Франции оптика превосходства и взгляд на Россию как на колосса на глиняных ногах.

Метаморфозы аббата Прадта лишь подтверждают, что образ России конструируется в зависимости от ситуации, и адаптация этого образа связана с конкретными внутривнутриполитическими задачами, стоявшими



перед Францией. Не от политики России, а от текущей политической ситуации во Франции и Европе в целом зачастую зависело, становился ли этот образ русофобским или русофильским.

По иронии судьбы аббат Прадт, никогда не симпатизировавший России, оказал ей большую услугу в 1812 г., будучи послом в Варшаве. Именно на него Наполеон возложил ответственность за катастрофу Великой армии, поскольку тот не снабдил ее ожидаемыми воинскими частями и лошадьми [2].

Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда содействия сохранению и развитию историко-культурных и духовно-нравственных основ Русской цивилизации «Светославъ» (договор № 3/2022).

Список литературы

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003.
2. Гончарова Т. Н. «Объективный союзник» России в 1812 году: провальное посольство Аббата де Прадта в Варшаве // *Vulye Gody*. 2020. Vol. 56, №2. С. 583–594.
3. Гордон А. В. Сквозь лабиринт стереотипов: три века постижения другого // *Образ современной России во Франции: опыт междисциплинарного анализа*. М., 2012. С. 11–46.
4. Император Николай Первый. М., 2002.
5. Ощепков А. Р. Образ России во французской прозе XIX века : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
6. Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. / пер. с фр. под ред. В. Мильчиной, И. Стаф. М., 2000. Т. 2.
7. Пахсарьян Н. Т. Рец. на кн.: Краус Ш. Россия и русские во французской литературе XIX в. (1812–1917): от образа другого к воображаемой вселенной // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение*. 2009. №3. С. 38–43.
8. Таньшина Н. П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
9. Abastado C. *Mythes et rituels de l'écriture*. Bruxelles, 1979.
10. Aubernon J. *Considérations historiques et politiques sur la Russie, l'Autriche et la Prusse*. P., 1827.
11. Corbet Ch. *A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. P., 1967.
12. Gilbert N. *La Russie ou Coup d'oeil sur la situation de cet empire*. P., 1828.
13. Lesur Ch.-L. *Des progrès de la puissance russe: depuis son origine jusqu'au commencement du XIXe siècle*. P., 1812.
14. Malia M. *Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA ; L., 1999.
15. McNally R. *The Origins of Russophobia in France: 1812–1830* // *American Slavic and East European Review*. 1958. Vol. 17, №2. P. 173–189.
16. Pradt D.-G.-F. *de. Parallèle de la puissance anglaise et russe relativement à l'Europe, suivi d'un aperçu sur la Grèce*. 3 ed. P., 1828.



17. Pradt D. -G. -F. de. Question de l'Orient sous ses rapports généraux et particuliers. P., 1836.

18. Pradt D. -G. -F. de. Du système permanent de l'Europe à l'égard de la Russie et des affaires de l'Orient. P., 1828.

19. Rabbe A. L'Histoire d'Alexandre, empereur de toutes les Russies et des principaux événemens de son règne. P., 1826. T. 1.

Об авторе

Наталья Петровна Таншина — д-р ист. наук, Институт общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия; Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0655-2928>

44

N. P. Tanshina

THE IMAGE OF RUSSIA AS A CONSEQUENCE OF THE POLITICAL CONJUNCTURE, OR THE METAMORPHOSIS OF ABBÉ DE PRADT

Institute of Social Sciences, RANEPА, Moscow, Russia

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Received 29 September 2022

Accepted 15 December 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-4

To cite this article: Tanshina N. P. 2022, The image of Russia as a consequence of the political conjuncture, or The Metamorphosis of Abbé de Pradt, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 33–45. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-4.

The focus of the article, written within the framework of the imagological approach, is the reconstruction of the image of Russia in France during the years of the Restoration. The article is based on the analysis of the views of the famous French diplomat and politician Abbé D. de Pradt (1759–1837). The relationship between the image of Russia in France and the current political situation is revealed by the example of the journalistic works of Abbé de Pradt. The article sees Russophobia as a mechanism for solving French problems. It is also concluded that the image of Russia created in the West was, on the one hand, very stable and based on ingrained stereotypes of perception. On the other hand, this image depended on the political situation. The image of Russia created by Abbé de Pradt turned out to be very elastic, mobile, dependent on the political conjuncture. Abbé de Pradt never had any sympathy for Russia and created openly anti – Russian pamphlets. However, at the time when France was looking for an ally and saw Russia as such, rational Pradt diametrically changed his own position. At the same time, the optics of superiority, characteristic of post-Napoleonic France, and the view of Russia as a power was never strong as it looked, remained an invariable feature of his works.

Keywords: Abbé de Pradt, France, image of Russia, imagology, “Russian threat”, “Russian expansionism”, Russophobia, stereotypes of mutual perception



The author

Prof Natalia P. Tanshina, Institute of Social Sciences, RANEPa, Moscow, Russia;
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0655-2928>